

А

ЖИЗНЬ ГРАФА ШЕРАНСКАГО.

On ne doit aux morts que la vérité.

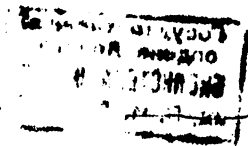
Voltaire.

Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!

Пушкинъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(ЧАСТИ III, IV и V.)

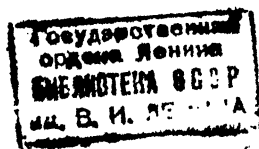
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

А

Печатано съ Высочайшаго соизволенія.

45909-46.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

УДАЛЕНІЕ СПЕРАНСКАГО И ЖИЗНЬ ЕГО ВЪ ЗАТОЧЕНИИ.

1812—1816.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

УДАЛЕНІЕ СПЕРАНСКАГО.

I.

Пожалованный въ тайные совѣтники еще 30 августа 1809 года, назначенный 1 января 1810 года государственнымъ секретаремъ, наконецъ награжденный, 1 января 1812 года,—всего послѣ пятнадцатилѣтней службы,—орденомъ св. Александра Невскаго, Сперанскій, казалось, навсегда утвердился на той высотѣ, на которую подняло его колесо счастья. Сила министровъ уступала силѣ государственнаго секретаря. Но умы болѣе наблюдательные и болѣе близкіе къ центру событій провидѣли, во всемъ описанномъ нами выше, особливо же въ характерѣ лицъ, тогда дѣйствовавшихъ, признаки непрочности положенія Государева любимца, замѣчали, что надъ нимъ собираются грозныя тучи. Тарпейская скала близко отъ Капитолія, думали тѣ изъ нихъ, которые знали исторію. Имя Сперанскаго, правда, гремѣло еще гораздо громче прежняго, но теперь къ хвалебнымъ гимнамъ уже часто примѣшивались сарказмы и порицанія. Если сословіе приказныхъ стало примѣтно отлагаться отъ него съ самаго изданія указа объ экзаменахъ, то непріязнь ихъ, постепенно, начала сообщаться и другимъ; въ особенности же вельможи не могли простить

Сперанскому важнаго преступленія: возвышаться, заграждать имъ дорогу и между тѣмъ не оберегать ихъ интересовъ и не искать въ нихъ. Благовидный предлогъ къ такой неприязни всегда былъ на готовѣ: опасеніе вредныхъ послѣдствій отъ реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою. Уже съ 1810 года многіе возставали противъ этого общаго преобразования; однако же судъ надъ его творцомъ еще былъ тогда довольно скромный и боязливъ: дѣло шло о человѣкѣ случайномъ, близкомъ къ Царю, о человѣкѣ, который все-таки могъ пригодиться для какихъ нибудь личныхъ видовъ, или поддаться какому нибудь ходатайству. Но этотъ человѣкъ продолжалъ неуклонно идти своимъ путемъ, ни на кого не озираясь: тогда слышались совсѣмъ другія рѣчи. Почти всѣ классы были болѣе или менѣе возбуждены. Аристократы возставали за ограниченіе ихъ привилегій, опасаясь еще большаго стѣсненія въ будущемъ; люди на высшихъ мѣстахъ—за подчиненіе ихъ «высочайшѣ»; чиновники—за прегражденіе имъ дальнѣйшаго производства и принужденіе учиться; политическіе старовѣры—за явное стремленіе правительства ввести новыя начала, отъ которыхъ они съ ужасомъ отвращались; податныя сословія—за усиленіе налоговъ. Весьма удачною казалась фраза, сказанная кѣмъ то при такихъ обстоятельствахъ: «дереть этотъ поповичъ кожу съ народа; сгубить онъ государство. . . .». Чѣмъ мысль и слово неопредѣленнѣе, тѣмъ легче они принимаются толпою и тѣмъ чаще повторяются. Общій говоръ, начавшись съ Москвы, вскорѣ зашелъ такъ далеко и принялъ такой характеръ, что въ концѣ 1811 года уже гласно стали говорить, не въ однихъ министерскихъ канцеляріяхъ, но и въ гостиницахъ, даже въ залахъ совѣта, что Сперанскому—не одобровать, что милость къ нему Государя колебалась и что онъ, въ удовлетвореніе общему желанію, будетъ удаленъ отъ всѣхъ дѣлъ. Говорили смѣлѣе и увѣреннѣе.

нѣе прежняго уже и потому, что всѣ знали какъ охладѣлъ въ Государѣ восторгъ, произведенный Эрфуртскимъ свиданіемъ, а это давало поводъ заключать, что тоже самое охлажденіе распространится и на главнаго, въ то время, представителя у насъ «Наполеоновскихъ идей», т. е. на Сперанскаго.

Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія, что если эти толки разными путями доходили до Александра, то и Самъ Сперанскій, какъ онъ ни былъ, по образу своей жизни, далекъ отъ придворныхъ и городскихъ вѣстей, скоро началъ понимать всю трудность и, до нѣкоторой степени, шаткость своего положенія. Позже, онъ самъ говаривалъ, что ненависть есть дѣйствительнѣйшая изъ всѣхъ пропагандъ. Что онъ не ослѣплялся и въ то время и даже изыскивалъ средства къ само-сохраненію, доказывается, между прочимъ, отчетомъ, поднесеннымъ отъ него Государю въ февралѣ 1811 года, т. е. за годъ до своего паденія. Изчисливъ тутъ разныя мѣры предположеннаго новаго порядка суднаго и исполнительнаго, настаивая на необходимости совершить ихъ неотложно, удостовѣряя, что виды Государя по этой части будутъ въ точности исполняться, Сперанскій присовокуплялъ: «Но слѣдовать за сими предметами среди множества текущихъ дѣлъ, кои по званію моему въ государственномъ совѣтѣ и по управленію Финляндіею непрестанно меня заботятъ и отрываютъ, по истинѣ нѣтъ никакой возможности. Когда Вашему Величеству угодно было возложить на меня званіе государственнаго секретаря, я считалъ невозможнымъ тогда отъ/сего уклониться. Можетъ быть въ началѣ сего установленія было и нужно, чтобъ я понесъ сіе бремя; но теперь совѣтъ принялъ уже свой ходъ. Званіе государственнаго секретаря, отдѣльно взятое, не трудно; по соединенное съ званіемъ директора комиссіи законовъ и въ связи съ работами вышеприведенными весьма тягостно и для